

Роберт Сторр, американский критик, куратор **куратор** Венецианской биенале– 2007 и декан Йельской школы искусств, впервые посетил ярмарку современного искусства Frieze (Лондон), чтобы принять участие на круглом столе с художницей Барбарой Блум и профессором философии Саймоном Кричли, посвященному теме «Сцены супружеской жизни: могут ли теория и искусство стать чуждыми друг другу?». Сторр говорил с представителем The Art Newspaper о роли теории в искусстве и рассказывал о том, какие советы он дает своим студентам, чтобы ориентироваться в нынешней арт-среде.

Robert Storr © photograph: Herbert Lotz

The Art Newspaper: Тема круглого стола Frieze – «Могут ли теория и искусство стать чуждыми друг другу?». Каковы ваши мысли по этому поводу?

- Для начала, я не уверен, что искусство и теория были когда-либо настолько близки. Некоторые художники изучают теорию всерьез, но далеко не все. Определенные теоретические тексты про художников были очень важны, но то, что люди сейчас называют «теорией искусства», являет собой несоизмеримо обширную территорию, которая в итоге имеет незначительное отношение непосредственно к искусству или хотя бы к арт-индустрии.

Мы находимся в очень странной ситуации, когда некоторые художники извлекли многое из своих теоретических изысканий, но далеко не столь систематически, как люди склонны полагать. Феликс Гонзалес-Торрес, который, я знаю, тщательно изучает теорию, однако, считает, что правил не стоит придерживаться неукоснительно, они лишь помогают открыть для себя мысли, вызвать вопросы.

Многие художники не хотят связывать себе руки и показывать, насколько узко и избирательно их понимание; многие люди, все время изучающие теорию, на самом деле далеко не всегда осознают, что процесс создания искусства фундаментально отличается от процесса формулирования теории. И, таким образом, несмотря на то, что мы используем один и тот же список терминов, мы не сможем поделиться целью или созидательным процессом.

- Каково, по вашему мнению, будущее теории искусств?

- Я думаю, будущее всех видов философских рассуждений зависит от их общественной выгоды, точности и специфических черт. Частично получив образование во Франции, я осознал, что многое во французской теории обусловлено исконно французской историей. Упадок в левом крыле французской политики, смерть экзистенциализма как культурного движения... эти положения неприменимы к Америке напрямую, так что вы можете изучать французскую теорию в американском контексте, но вам все равно придется в противовес изучать американскую историю. Тридцать лет назад все читали Витгенштейна, кто читает его теперь? Если вы хотите говорить о Джонсе Джаспере, если вы хотите говорить о Брюсе Наумане, читайте Витгенштейна. Люди, наделенные по-настоящему теоретическим складом ума, делают в чтении большие перерывы, они читают выборочно и исключительно по делу.

TAN: Работаете ли вы сейчас над какими-нибудь проектами?

RS: Я дочитываю новую книгу Герхарда Рихтера о событиях 11 сентября и наконец закончил мою большую книгу о Луизе Буржуа. Я руковожу школой искусств, стараюсь дать хорошую и обоснованную критику юным художникам, которые входят в мир искусства отличным от их собственных представлений образом.

- Какого рода советы вы даете своим студентам?

- Я говорю им, что сейчас самое правильное время для обучения в школе искусств, потому что когда я был в подобной школе, когда многие люди, которыми я восхищаюсь, были в подобных школах в 60-х и 70-х, и денег не было. Если вы идете на это, зная, что возможно не будете щедро вознаграждены, но можете закончить работу, у вас куда более прочная позиция, чем у тех, кто идет на это в 23, 24 года, лишь для того, чтобы произвести впечатление и цепляться за это в течение следующих 60 лет. Понимаете, все восхищаются Джоном Балдессари, но, в общем, мало кто помнит, как он уничтожил большую часть своих «успешных работ» и начал все сызнова. Меня интересуют люди, создающие хорошие произведения искусства в любых условиях. Я думаю, что на сегодняшний момент лучшие художники расцветают поздно. Я большой поклонник Рауля де Кейзера и Тома Ножовски, которых я пригласил на Венецианское Биеннале (2007). Тому 65 лет, Раулю 78, и ни один из них не был по-настоящему успешен до того момента, как они достигли возраста, на котором, по общепринятому мнению, карьера заканчивается, а не начинается.

- Возможно, сейчас уделяют меньше внимания культуре юности.

- Я не думаю, что снижается интерес к молодым, но многие осознали, что этот культ не всегда работает. Конечно, приятно иметь переменный успех, но быть чем-то прошлым равносильно смерти. Если с вами этого еще не произошло, вы можете утешать себя мыслями о грядущих возможностях. Это модный мир, и даже хорошие художники могут выйти из моды. Если вас никогда не посещали мысли о том, чем вы будете заниматься, когда выйдете из моды, потому что вы никогда еще не выходили из моды, вам будет сложнее это принять, чем если бы вы уже проходили через это и научились выживать.

- Как вы думаете, сделал ли экономический кризис художников сильнее?

Я не сторонник мысли, что трудности закаляют людей, но думаю, что множество определенных вещей может ослабить их. Сильные люди могут отвлекаться на вещи, которые даются им слишком легко. Поддерживать карьеру в наши дни чрезвычайно сложно, даже если вы просто делаете свою работу и принимаете участие в соответствующих мероприятиях. Вы можете потратить потрясающий запас энергии и времени в добровольной погоне за тем, что на самом деле недостойно внимания. Истинно мудрые художники знают, как красиво появиться и как красиво уйти.

